

Разрушенный мир / Shattered World (рассказ)

Перевод коллектива "Warhammer: Чёрная Библиотека"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "Warhammer: Чёрная Библиотека". Их канал в Telegram находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Разрушенный мир / Shattered World
(рассказ)

Автор	Джейк Озга / Jake Ozga
Переводчик	Ejiarch , Alkenex
Издательство	Black Library
Серия книг	Warhammer Horror
Источник	White Dwarf 469
Год издания	2021
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Мир ломается и горит, когда из него выжимают ресурсы. Миллионы умирают мгновенно, когда разрушительные машины спускаются с орбиты — гигантские сверла, окутанные пламенем атмосферного сопротивления. Оставшиеся в живых миллионы поймали и увезли в огромные уродливые сооружения, которые, кажется, появляются за одну ночь, расплываясь, как ракушки, по скорлупе умирающего мира. Города, крепости, пустые порты — все, что когда-то считалось неприступным, теперь рушится, и кошмарная индустрия уничтожает казавшиеся надежными основы прошлого. Новым миром правит тройственное богохульство механического, колдовского и еретического, а доброта и порядочность — обесценены. Ужасные мерзкие явления прорываются сквозь трещины, порожденные этим расколом, и тьма поглощается еще большей тьмой, когда мир погружается в пасть Хаоса.

Но все же далеко вдали брезжит слабый луч надежды: узкая крутая тропа ведет из кошмара к серебряной двери в лучшее будущее. Те немногие, кто пережил опустошение своего мира, остались без лидера, они рассеяны и потеряны.

Они ждут героя.

«Проснись».

Процесс пробуждения медленный и болезненный: он не хочет покидать свой сон сейчас, когда грезы рисуют видения героизма, он не желает возвращаться в своё настоящее тело — изуродованную массу неправильной формы. Осознание этой фундаментальной неправильности приходит к нему постепенно и неумолимо, подобно приливу, заполняющему трещины и щели его тела и разума. Он просыпается в темноте, ощущая, как кровь, густая и вялая, словно сырая нефть, закачивается в его конечности. Руки и ноги покалывает, они оживают.

Рождаются новые ощущения, приходит новое осознание: он стоит босиком на чем-то теплом и песчаном; пахнет соком и неочищенным прометием, а сам он... изуродован. Это последнее откровение медленно опускается к животу.

«О, — думает он. Его мысли приходят медленно. — О. Я не такой, каким вижу себя в своих снах».

Он тянется к своему лицу дрожащей скрюченной рукой, в которой еще не восстановилось кровообращение. Грубая мешковина сдвигается, и глаза лениво моргают в ярком, причиняющем боль, свете. Он находится в странной кривой комнате; стены неровные, будто бы вылепленные слепыми ремесленниками. Единственный выход грубой формы ведет в мрачный коридор за ним.

Он задерживает дыхание, глядя вниз на свое незнакомое тело. Лохмотья и мертвенно-бледная кожа, покрытая туманностью синяков. Пальцем он проводит по краю своего изуродованного лица, вниз от щетины на голове до того места, где кожа и кости заканчиваются холодным металлом на челюсти. Он отмечает все отдельные скобы и швы, соединяющие плоть с механизмом, — сочетанием грубых металлических форм и проводов, заменившим половину его тела.

Там есть кто-то еще: женщина наблюдает за ним из угла комнаты. Лицо невозможно описать, черты расплываются и не поддаются опознанию. Силуэт размыт, периметр мерцает, как сбой когитатора.

— Ты сломлен, — говорит она. Ее успокаивающий голос звучит знакомо. Нет и намека на злобу. Это она заговорила минуту назад, чтобы пробудить его ото сна.

Что-то глубоко внутри его черепа щелкает. Клапаны и поршни начинают толкать и тянуть. Электр люминесцентные символы отображают сообщение прямо на сетчатке:

<Системы в сети.>

Атомный огонь проникает в его зрительный нерв, и мир приобретает зловещий красный оттенок.

Он пытается заговорить. Но губы не слушаются. Тогда он раздвигает их языком, кожа увлажняется и трескается. Он прочищает горло, слюна отдает машинным маслом.

— Происхождение?.. Цель?..

Она терпеливо смотрит на него, бледная и бесплотная, как призрак. Подожди, думает он, подожди, я могу сделать лучше. Следует новая попытка, голос звучит хрипло от длительного молчания.

— Так вот значит, какой я? Вот, кто я?

Она наклоняет голову и смотрит на него острыми, как булавоочные уколы, глазами, похожими на далекие звезды.

— Расскажи мне, что ты помнишь.

— Это всего лишь сон о конце света. Темнота. И ничего больше. Даже имя не помню.

Он на мгновение задумывается. Ему следовало бы разозлиться на несправедливость происходящего, но он отбрасывает эту мысль, прячет ее.

— Во сне я не был... этим.

Он даже не узнает свой собственный голос, который звучит чужеродно, искаженно и уродливо, как сломанный вокс. Внутри черепа раздается жужжание, как будто там застряло насекомое, и он сопротивляется желанию попытаться выцарапать его наружу.

Левая рука частично механическая. Как он раньше этого не замечал? Кажется, у механизма есть свой собственный разум: сервомоторы скулят, когда рука сгибается; пучки ребристых кабелей сплетаются под восковой кожей; неуклюжие металлические пальцы сжимаются и разжимаются. Он поднимает сброшенную повязку и привязывает ее к поясу.

Она кивает и поворачивается, бесшумно проходит через дверной проем, исчезая в темноте. Внезапно почувствовав себя покинутым, он следует за ней, но в безмолвном проходе уже никого нет. Некоторое время он прислушивается и ждет, не вернется ли она, но она не возвращается. Паника начинает укореняться в удушающей тишине бездействия, поэтому он отправляется в путь, выбирая направление наугад.

Он оказывается в извилистых туннелях, которые беспорядочно прогрызают себе путь сквозь жирный камень и смолистый пластбетон, теплый и липкий на ощупь. Его кости скрежещут о металл при каждом шаге; мышцы кажутся сильными, но процесс ходьбы труден и болезнен. Грубые механизмы шипят и лязгают. «Насмешка над телом». В памяти всплывают фрагменты из сна, такие как ощущение солнечного света на коже, и теперь он пытается отыскать его в реальном мире.

Бесконечные коридоры переплетены без определенного рисунка и причины, будто бы их вырыли насекомые. Некоторое время он блуждает по этому лабиринту, пока в конце концов не обнаруживает туннель, который поднимается и становится шире, наконец раскрываясь в своего рода долину. Воздух густ от темных частиц, покрывающих пятнами его плоть. Единственный оставшийся глаз представляет

собой систему вращающихся линз, встроенных в металлическое месиво черепа, что позволяет видеть сквозь дымку с большей ясностью. Спотыкаясь, он идет вперед, восковая кожа земли трескается под его шагами.

Он взбирается на насыпь рыхлой осыпи; зазубренные осколки режут босые ноги, но он этого не чувствует. Пыль тяжело висит в воздухе, пока он продолжает подъем. Наконец взору предстает красное небо, а вокруг — башни, огромные и неровные, выступающие из-под одеяла пыли. Они напоминают съеденные зубы, источенные кариозными впадинами. Некоторые устремляются в небо так высоко, что намного превосходят любое известное ему сооружение, их вершины извергают черный дым. Слышится вездесущий шум, похожий на скрежет гигантских машин. Промышленный грохот: металл со стоном прогибается под металлом, вращаются колеса и работают гигантские двигатели. Рёв разносится от башни к башне.

Вдруг он замечает движение — фигуру, мечущуюся, как паук, между далекими тенями, отбрасываемыми кривым зданием.

— Конструкт-хищник. Голам-убийца. — Он вздрагивает при звуке голоса. Призрачная женщина появилась рядом с ним, выйдя из мрака в совершенной тишине.

В его сне была серебряная дверь и ощущение солнечного света на коже, но здесь ничего подобного нет — есть только кошмар.

Ошеломленный, он падает на колени.

— Что это за место?

— Ты не узнаешь его?

— Кажется, я умираю. В мозге есть излучение — я чувствую его, оно обжигает как печь. В моей крови яд. Я разваливаюсь на части.

— Это все в твоей голове.

Он издает странный звук, возможно, предназначенный для смеха.

— Вот, что я хотел сказать. Что со мной сделали?

Слова переходят в кашель, и он смотрит на свою руку: тысячи крошечных символов ползают по коже, как насекомые, единицы и нули. Он поспешно вытирает их.

— Я заражен этим. Живой кодекс! Это все вокруг меня — это внутри меня!

— Галлюцинации. Фантасмагория.

Она тянется к нему, затем в раздумье останавливается. Он дергается, царапает кожу.

— Ты не должен быть один — вот что самое важное.

Он кивает, трещотки щелкают у него в шее.

«Я не должен быть один. Наконец, — проносится в голове, — хоть что-то, что имеет смысл».

Он идет, как ему кажется, часами по странному ландшафту, не имея никакого представления о направлении. Когда он устаёт, машина, встроенная в грудную клетку, смешивает химические вещества,

впрыскивая их непосредственно в кровоток. Стимуляторы на мгновение обжигают, как огонь, после чего к нему возвращаются силы. Трудно судить, сколько времени прошло с момента пробуждения: нет очевидного дневного или ночного цикла, солнце скрыто под толщей бесконечной оранжевой дымки в небе. Нечастые ветры приносят приторный запах трупных газов.

Он идет вдоль берега ржаво-красного моря человеческих останков, измельченных ужасающей техникой. Масштабы этого слишком велики для его понимания. Распыленная кровь и жир образуют туман, который стелется вдоль багровой береговой линии. Он оставляет за собой песчаные лунки следов, которые заполняются сворачивающейся кровью.

— Ты помнишь... — Он колеблется, не уверенный в подлинности только что пришедшего к нему воспоминания. — Ты помнишь, как мы вместе смотрели на звезды?

Женщина внезапно оказывается рядом с ним, появляясь из тумана, как призрак. Она вздыхает.

— Уже невозможно видеть звезды. Из лун выжали ресурсы, их разбили и превратили в пыль, а дым от кузниц поглотил все небо.

— Что бы со мной ни сделали, это не сработало, не так ли? Я имею в виду, не до конца. Они изувечили тело и раздробили мысли, но я все еще остаюсь самим собой.

— Ты уникален.

— Ты спасла меня?

— Любовь моя, ты должен спасти себя. Ты должен спасти всех.

Он проходит мимо рек расплавленного шлака, где островки дросса плывут по пылающим каналам, вырезанным в темном базальте. Он проходит мимо теряющихся в облаках шпилей, испускающих густой черный дым, и фабрик без дверей и окон, деформированных и раздутых. В ландшафте нет порядка, нет никакого смысла во внешнем виде невероятных сооружений.

Кажется, он целыми днями скитается по разбитым тропинкам, бредет через остовы раскуроченных макроструктур, каждый шаг эхом отдается в разрушенных коридорах, пустых коробках комнат и жилых блоков, которые выглядят так, будто они не видели жизни десятилетиями. Цивилизация выбракована и заменена. Издалека он видит знакомый символ — широкие птичьи крылья, которые, кажется, пытаются охватить мир; двуглавый орел, выкованный из золота и установленный на вершине частично уцелевшего купола собора. Некогда, величественный и вездесущий, орел доминировал над пейзажем, его было видно со всех направлений. Теперь он погнут, сломан и выглядит бессильным от ветхости. Значение символа поначалу ускользает, и он изо всех сил пытается вспомнить слово. Ах да: аквила. Символ непобедимой империи и ее всемогущего правителя. Он задается вопросом, существует ли еще эта империя.

Временами радиоактивный пепел так густо покрывает землю, что напоминает ему о зимнем снегопаде. Он вспоминает время, когда, совсем юные, они вместе гуляли по снегу, когда она сошла с потайной тропинки и погрузилась по пояс в сугроб. Он помнит ее, хотя и не может ясно разглядеть лицо. Она была перегружена снаряжением, которое они несли в рамках своих тренировочных упражнений; он рассмеялся, помогая ей встать на ноги. Военная подготовка? Был ли он солдатом? Это настоящее воспоминание, задается он вопросом, или еще один сон? Он хочет задать вопрос, но её уже нет. Она является нечасто. Это расстраивает. «Я не должен быть один, — думает он. — Но почему же тогда она

меня бросает?»

Он не уверен, куда направляется, но какой-то импульс ведет его вперед. «Если бы я был выжившим, если бы я сейчас прятался, опасаясь за свою жизнь, — стал бы я искать убежище поблизости? Хотел бы я иметь возможность смотреть на гибель мира?» Он передумывает, возвращается по своим следам, а затем идет в другом направлении, прочь от покрытых пеплом руин, вниз, во тьму разломов разрушенного мира.

— Хорошо, — говорит она, снова появляясь рядом с ним. — Правильно. Используй свои инстинкты — здесь могут быть и другие, такие же, как ты, те, кто провалился сквозь трещины.

Протискиваясь между ржавыми машинами, он находит скрытый проход. Когда тропинка сужается, он отодвигает импровизированную баррикаду из пластальной обшивки, маскирующую вход в пещеру. Она извивается, как туннель червя, проникая сквозь скальную породу в корни разрушенного города наверху.

В глубине этой пещеры он находит женщину, стоящую на коленях. Она закутана в бесцветный плащ и капюшон, закрывающий лицо. Там, где плащ соскользнул, видна пепельная кожа, украшенная обызвествленными гребнями, образующими бледные спирали. Там, где она стоит на коленях, плоть сливается со смолистым полом: он вырос вокруг фигуры, как будто претендуя на нее. Он колеблется, стыдясь своей внешности, не хочет пугать женщину. Несмотря на ее странность, он чувствует родство.

— Я не конструкт-убийца, — говорит он, и слова эхом отдаются в пустом пространстве пещеры. Они звучат слабо, когда возвращаются к нему.

Когда стоящая на коленях женщина поднимает голову, он видит, что ее глаза заменены кристаллами или бриллиантами, которые отражают красный свет его собственного глаза в сотне граней. Он понимает, что женщина слепа и не видит его. Позади, в тени маячат другие фигуры, с дюжину или больше. Они видят его, но не предпринимают никаких шагов к конфронтации.

— Я не причиню тебе вреда. То, что со мной сделали, не сработало. Я изувечен, но все еще остаюсь самим собой.

Фигуры приближаются. Все они, как и коленопреклоненная женщина, — люди, все подверглись внешним изменениям, некоторые в более чудовищной форме, чем другие. Одни обладают аномалиями плоти, другие слиты с механизмами, как и он сам.

— Вот, кто я такой, — неуверенно говорит он. — Я такой, какой я есть.

Затем он рассказывает им о своих снах.

Время медленно течет в полумраке пещеры, а он сидя спит среди пластбетонных свай и древних обломков. Иногда он садится рядом с коленопреклоненной женщиной, и они вместе молятся полузабытому божеству. В другой раз люди собираются вместе, чтобы послушать его истории, которые могут быть мечтами или воспоминаниями: их лица пусты, а глаза остекленели, но внимание сосредоточено исключительно на нем. Он знает, что они чего-то от него ждут.

«Я не такой, каким вижу себя во сне, — напоминает он себе. — Хотя я могу фантазировать о героизме, реальность такова: я страшное существо, изувеченный человек — если меня вообще можно назвать человеком. Мои мечты показывают узкий путь, который ведет к светлому будущему, но как мне сделать свой первый шаг по этому пути?»

— Ты на распутье, — все еще успокаивает его голос. — Тебе предстоит принять решение, хотя этого еще не знаешь. Придется ответить на вопрос, который задают всем мужчинам и женщинам в темные времена. Пришла твоя очередь. Итак, ответ — ты готов восстать и встретить неопределенное будущее?

Он думает о серебряной двери, которую видит в своих снах, и обо всех возможностях, лежащих за ней в ожидании, когда герой найдет их. Разве это бред — изображать из себя героя?

И тогда его мысли обращаются к гневу на несправедливость мира и на то, что было сделано с этим миром и с ним самим. «Может быть, я и был когда-то солдатом, — думает он, — но значит ли это что-нибудь сейчас?»

«Или я мог бы остаться здесь. Мы в безопасности, и однажды кто-нибудь услышит наши молитвы».

«Есть и еще один выбор: я могу отбросить мечты о судьбе, ответственности и мести и поставить себя превыше всего. Я могу оставить этих людей. Я им ничего не должен».

Он выводит их из подземного укрытия. Они образуют скудную процессию, следуя за ним в цепочке, словно пустынная змея выползает из-под скалы. Один из них остался — женщина, стоящая на коленях, присошная к полу пещеры. Она предпочла остаться — молиться, она не позволит им сдвинуть ее с места. Он говорит ей, что вернется, а та грустно улыбается и отвечает, что знает, что он вернется.

Он пытается объяснить своим товарищам, что те должны заглянуть внутрь себя, и, отбросив страх, печаль и паралич, найти свой гнев. Он пытается объяснить, что гнев является движущей силой и что без гнева нет стимула к переменам. Молитва — это просто намерение без действия, а гнев может объединять, он может быть бескорыстным. Их лица остаются пустыми, глаза тусклыми.

«Иногда это всё, с чем приходится работать, — думает он, наблюдая за ними. — Но мы еще сделаем из вас убийц». Эта мысль удивляет его, и он пытается отследить ее происхождение.

— Ты помнишь, когда мы впервые встретились? — Она идет рядом с ним, ее присутствие реальнее, чем прежде.

И вдруг он вспоминает. Марш по снегу. Все перегруженные, недостаточно подготовленные. Беззащитные как дети, ответившие на призыв защитить свой мир в час нужды. Напуганные, но решительные.

— Мы еще сделаем из вас убийц, — поддразнивает его кто-то.

Вдруг боковым зрением он замечает движение. Что-то появляется из-за заминированного сооружения, человекоподобное, но ползающее на четвереньках, как зверь. Он истощен, половину тела заменяет машина с позвоночником из зазубренных лезвий. Несколько изодранных черных полосок одежды тянется от него, как щупальца, бледная кожа исписана тошнотворными символами и иероглифами. Он настороженно и напряженно наблюдает за существом с расстояния нескольких шагов. Гуманоид шипит на него по воксу, плюется статическим ядом.

На сетчатку выводятся символы. Они чередуются в разных формах, пока не образуют понятное сообщение:

<Происхождение? Цель?>

— Голам, — говорит она. — Предназначен только для убийств! Не подпускайте его близко, он заразит вас своим безумием.

Голам никак не реагирует на ее слова, похоже, существо вообще ее не видит.

Не успев пошевелиться, он ощущает всю массу врага на себе. Гуманоид тянется к нему костлявыми пальцами и прижимает к земле с силой, несопоставимой с жалким внешним видом. Чудовище разевает беззубую рваную пасть и кричит ему в лицо, бессловесный вопль распадается на скрежещущий металлический белый шум. Он обнаруживает, что понимает этот язык, чувствует, как он омывает его: единицы и нули, будто рой агрессивных существ, стремится проникнуть глубоко в плоть. Он сопротивляется как может, и отвечает своим собственным криком, подпитываемым гневом и бестолковыми попытками что-то сделать. Затем он уже не может сопротивляться. Демонический код засоряет его тело, заглушая все сознательные мысли. Он не может пошевелиться. Голам обращает свое внимание на остальных.

Его товарищи, конечно, не особо сопротивляются, они же не убийцы. Он наблюдает за расправой, но его гнев тщетен. У него сильное кровотечение, и когда он смотрит на зияющие раны, то понимает, что заражен: кровь изливается массой черного как чернила кода.

И вот гуманоид возвращается. Липкий от крови, заползает на него. Проводящие нити вытягиваются из пасти голама и попадают в его собственный рот. Символы на сетчатке меняются:

<Следуй за мной.>

Он не может сопротивляться, тело больше не слушается.

Его ведут в чудовищную подземную кузницу. Сам магос следит за его прибытием — механический паук в центре серебристой паутины кабелей и проводов.

Внезапно, приходит ощущение того, что должно произойти. Не зная подробностей, он уверен, что не оправится от этого. И, хотя раньше он считал себя изувеченным, ощущение самого себя всё еще теплилось в нем. Именно эту часть себя он собирался потерять. Код магоса вторгается в его разум. Части его нервной системы удалены, те части, которые он считал неприкосновенными. «Я помню ее глаза, — думает он. — Мы вместе смотрели на ночное небо. Ее глаза сияли, как самые яркие звезды. И когда то же самое небо наполнилось кошмарами, мы поклялись, что не оставим друг друга наедине с бедой».

«Не забывай ее, — приказывает он себе. — Не забывай».

На сетчатке появляются слова:

<Я вижу в тебе тьму. Я вижу в тебе ярость.>

Магос, кажется, становится больше. словно некое подобие серебряного оперения, на механической спине проявляется огромное множество механодендритов, которые с легкостью отрывают его от земли. Каждый механический придаток снабжен тонким манипулятором; когти и руки срывают с него потрёпанную одежду и удерживают тело в горизонтальном положении, как марионетку, подвешенную на веревочках.

<Оптимизация: целенаправленное уничтожение.>

С него сдирают кожу. Хирургические манипуляторы режут и удаляют, воздействуя на все тело одновременно. Его рука ампутирована: скобы и швы вырваны; механический придаток небрежно отброшен в сторону. Затем магос разрушает архитектуру тела, ломая и извлекая кости одну за другой и

превращая его в извивающийся, бесформенный, обильно кровоточащий кусок мяса, подвешенный на паутине серебряных щупалец. Кости его черепа и позвоночника тоже удаляются и выбрасываются. Он наблюдает, как извлекаются незаменимые части тела. И вот, наконец, удаляется плоть, обнажая лишь паутину его нервной системы, тянущуюся тончайшими нитями, горящими неопишуемой болью.

Подготовлено новое тело, состоящее из скрученных металлических мышц и зазубренных лезвий. То, что от него осталось, вбито в машину, приварено к ней. Глаз горит новым атомным огнем.

Все, что у него осталось, — ярость. Больше не нужна ясность, отброшена цель. Вот теперь он действительно убийца. Есть что-то важное, что он хотел запомнить. Женщина?

Да, прячась в пещере, он пообещал ей, что вернется.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Разрушенный_мир/_Shattered_World_\(рассказ\)&oldid=26032](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Разрушенный_мир/_Shattered_World_(рассказ)&oldid=26032)

Эта страница в последний раз была отредактирована 17 сентября 2024 в 11:23.